

ПОСЛЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

© Колесников Алексей

Бизнес-аналитик информационных систем, EPAM Systems, Inc.

Выпускник Президентского физико-математического лицея (№ 239), класс 47-7

© Волченков Дмитрий

Профессор Техасского технологического университета (Texas Tech University).

Выпускник Президентского физико-математического лицея (№ 239), класс 47-7

dimitri.volchenkov@ttu.edu

*«Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду»*

Иосиф Бродский, (1962)

Предельная социальная поляризация разделяет общество на «своих» и «чужих», примирение между которыми невозможно. К кому примкнуть? Уйти или остаться? Мы анализируем возможные стратегии индивидуального ответа на экзистенциальный вызов и их вероятные последствия. В статье анализируются возможные стратегии индивидуального ответа на экзистенциальный вызов и их вероятные последствия. Работа содержит личные свидетельства того, по какой причине был сделан тот или иной выбор и приведено описание соответствующих процессов дезадаптации личности.

Ключевые слова: социальная поляризация, кризис идентичности, экзистенциальный выбор, модели времени

Введение

Экзистенциальный выбор: как ни поступи, все равно – подлец. Осенью 1936 министр пропаганды и президент Имперской палаты культуры Германии Йозеф Геббельс обратился к Марлен Дитрих с небывалым предложением: ей предоставлялось исключительное право самой выбирать тему, продюсера и режиссёра фильмов с ее участием, за каждый из которых ей полагался щедрый гонорар в 200,000 рейхсмарок.

Однако актриса отклонила выгодное предложение, а в марте 1937 года демонстративно подала документы на американское гражданство. Во время войны Дитрих выступала с концертами в войсках союзников в Северной Африке, Италии и Франции. В ноябре 1945 года, прибыв на похороны матери в Берлин, она заявила: *«Я почувствовала, что хоронила не только мать, но и Германию, которую я любила и которой для меня больше не существует»*. Во время

гастролей в Западной Германии в 1960 немцы протестовали против ее концертов, плевали и бросали в нее яйца, видя в ней «предательницу отечества» [28]. Негативное отношение к памяти актрисы сохраняется в Германии до сих пор.

Ситуацию экзистенциального выбора невозможно разрешить, исходя из общекультурных норм. В ней нет заранее известного способа поведения, поэтому, совершая выбор между несовместными альтернативами, личность заново определяет себя. Как следует из поэтического наброска Иосифа Бродского, приведенного в эпиграфе настоящей статьи, от экзистенциального выбора невозможно отказаться: ценой *невыбора* в конечном итоге становится жизнь. Свой собственный выбор между немедленной эмиграцией и «горячими денёчками» поэт вынужден был сделать в ленинградском ОВИРе 10 мая 1972 года [6].

Невротическая природа идентичности. Мы определяем идентичность наиболее широко как невротическое слияние человека с обстоятельствами собственной жизни: нацией, языком, религией, расой, социальным классом, семьей, домом, квартирой, историей жизни, рабочим коллективом, соседством, полученным образованием, культурой, политической партией, местожительством, ландшафтом, цветом неба в месте рождения и т.п. Чем герметичнее среда обитания человека, и чем дольше он в ней живет, тем труднее ему отделить себя от того фрагмента среды, с которым он себя частично отождествил и от того жизненного опыта, который он в данной среде получил. Невротический характер такой привязанности проявляется, например, в ностальгии, форме реактивного или психотического состояния, обусловленной длительным отрывом от объектов отождествления и проявляющейся депрессивным синдромом.

Французский врач Ж.-Б. Дёсюкре в 1841 году описал клинический случай парижанина, чья заветная квартира должна была быть разрушена в ходе предстоящей реновации улицы. Вся жизнь этого человека была связана с прошлым, которое выражалось в его доме. Не допуская возможности того, что жизнь может быть прожита

где-то еще, несчастный умер в своей комнате под утро, назначенное для переезда [38]. Ностальгия впервые вошла в медицинский лексикон в XVII веке и считалась достойным медицинского внимания, обсуждения и вмешательства на протяжении всего XVIII века. Во время французских революционных войн и походов Наполеона значительно увеличилось количество медицинских работ о ностальгии, которые описывали усиливавшееся стремление соединиться с прошлым и даже остаться в живых, благодаря сохранению верности корням. Однако, развитие транспорта и усовершенствование средств коммуникации сделали людей более терпимыми к дальним перемещениям и продолжительной жизни вдали от места рождения. Заболеваемость ностальгией во Франции значительно снизилась к 1850-м годам, а после 1870-х она и вовсе исчезла из национального списка заболеваний [39].

К невротическому механизму социального слияния ведет неосознанное расширение личностной границы человека до «мы», например, некоторого сообщества, требующего от своих членов лояльности в обмен на право переложить ответственность за свое поведение на всю группу. Хотя слияние – это важный механизм социальной когезии, проявляющийся в процессах согласования общей действительности, в ходе конструирования коллективной памяти и совместной организации социальной (исторической) амнезии [33], оно может принимать тяжелый психотический характер, если быстро эволюционирующие личные и групповые нормы и ценности вдруг приходят между собой в противоречие. Когда различные системы убеждений, исходя из которых человек выстраивает свое поведение, становятся несовместимы, он оказывается в ситуации экзистенциального выбора – какую из конфликтующих действительностей принять за реальность.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы обобщить возможные стратегии поведения перед лицом экзистенциального выбора/вызова и проследить их вероятные долговременные последствия для человека и социума. Композиция авторского коллектива статьи как

нельзя лучше отвечает поставленной задаче: один из авторов Алексей Колесников (далее А.К.) был вынужден совершить свой выбор практически мгновенно – в течение прошедшего года, а другой Дмитрий Волченков (далее Д.В.) начал осуществлять свой выбор 27 лет назад, имея возможность и достаточное время, чтобы

познакомиться со множеством стратегий поведения в условиях экзистенциального выбора и их возможными последствиями на примере эмигрантских судеб. Основным результатом нашей работы, является алгоритмическое дерево сценариев поведения, представленное на рис. 1.

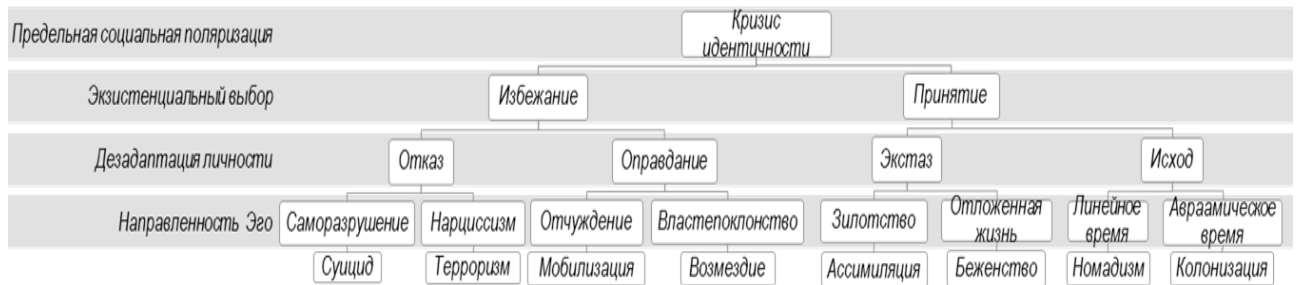

Рис. 1. Алгоритмическое дерево стратегий экзистенциального выбора.

В нашей работе мы различаем два вида времени – социальное и индивидуальное. Настоящее, прошлое и будущее социального времени, принадлежащего и реализуемого группой, мы будем писать с маленькой буквы, как это принято в русском языке. Личные Настоящее, Прошлое и Будущее будут писаться с заглавных букв, что характерно для немецкого языка. Социальное время линейно – течет из прошлого через настоящее в будущее, единосущное прошлому [9; 10]. Личное время конструируется в зависимости от обстоятельств жизни, а может и вовсе не существовать.

Кризис идентичности в глобальном обществе риска

В работах [9; 10] мы определили состояние современного мира через понятие «глобального общества риска», отменяющего будущее в виду грядущих действительных и мнимых планетарных катастроф, создающего предлоги для введения чрезвычайных мер, санкций и экономических барьеров, ослабляющих конкуренцию в глобализирующемся мире путем ограничения свободной торговли, стимуляции миграций, ущемления или даже фактической отмены прав и свобод человека. Для такого общества

характерны внезапные политические, социальные и экономические изменения, влекущие за собой стремительный сдвиг ценностей и норм, определяющих социальное поведение людей, в планетарном масштабе.

Одним из факторов, формирующих глобальное общество риска, является цепная реакция распада государств, эмпирически наблюдаемая на протяжении позднего Нового и всего Новейшего времени истории: государства, фрагментируются тем быстрее, чем их больше – ведут себя как радиоактивные атомы [9; 39, гл. 9]. Если в 1800 году мир был разделен между 20 империями и мог управляться взаимными договорами между ними, то сегодня в ООН участвуют 195 независимых государств, 2 государства имеют в ООН статус наблюдателя, и еще 11 государств, таких как Абхазия, Арцах, Южная Осетия, острова Кука и др. не являются членами ООН, хотя могут входить в состав отдельных комитетов организации. Число таких территорий все время растет. Анализ данных о государствах и политических режимах управления ими, собранных группой Т. Гурра в университете Мэриленда [32; 36], показывает, что среднее время жизни государства Новейшего времени – 121 год, с периодом полураспада в 84,5 года. Иными

словами, если закономерность верна, то к концу текущего века исчезнет половина из ныне существующих в мире стран [25, гл. 9].

Ускоряющаяся фрагментация национальных государств сопровождается опережающим ростом доли населения в городах и появлением гигантских сетевых городских агломераций – *мегаполисов*, таких как Дельта реки Янцзы в Китае, где еще до пандемии проживало свыше 105 млн. человек, производивших валовой национальный продукт в объеме \$2,2 трлн. – больше, чем Россия, Канада или Италия. Являясь главными местами скопления компаний и людей, города предоставляют львиную долю рабочих мест и генерируют подавляющее большинство патентов и инноваций, превращаясь в двигатели национальных экономик. Процессы урбанизации и глобализации сопровождаются растущими потоками внешних и внутренних миграций, если и не разрушающих, то безусловно гибридирующих национальные идентичности: «*принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы»*» [19, с. 1]. Крупные западные мегаполисы, такие как Лондон, Брюссель, Париж, Торонто или Амстердам, больше половины населения которых родилось за пределами соответствующих национальных государств, становятся глобальными центрами взаимоотношений внутри большой системы международной торговли и обмена информацией, создавая платформы для появления новых, скорее мультикультурных городских, чем традиционных, национальных, идентичностей.

С одной стороны, отчаянные попытки вернуть наблюдаемые процессы вспять военным или политическим путем, неоднократно предпринимавшиеся политиками в последние два с лишним века, в лучшем случае, приносили их государствам лишь временный успех, но неизбежно терпели фиаско в конечном итоге. Поскольку такие эксперименты были неудачными даже в прошлом, то уж навряд ли они смогут увенчаться успехом в будущем, в условиях сетей глобального управления, состоящих из 500 или даже 1000 городов - государств, остро

конкурирующих друг с другом за ресурсы, человеческий капитал и историческое наследие.

С другой стороны, усилия отдельных стран по замораживанию процессов собственной фрагментации при помощи «исправления мира» на путях централизации государства с опорой на левые (гностические) политические режимы, продвигающие «прогрессивные» национальности, расы, гендеры, религиозные конфессии, сословия и социальные классы в противовес «консервативным силам», радикально поляризуют общество, разрушают его групповую идентичность, и, в конце концов, лишь ускоряют внутренние социально-политические процессы, ведущие к его распаду.

Сотни миллионов жителей государств, буквально рассыпающихся сейчас во всех уголках планеты, испытывают кризис национальной идентичности и сталкиваются с необходимостью совершать экзистенциальный выбор – уйти или остаться. Позабытая, но вновь осмысленная этническая идентичность может играть при этом не последнюю роль, стимулируя процессы реэмиграции и репатриации на реальную или вымышленную «историческую родину». Многие из потенциальных мигрантов принимают трудное решение прямо сейчас. Например, согласно данным Таможенной и пограничной службы Техаса, количество незарегистрированных иммигрантов, пересекших одну только юго-западную границу США в 2022 году, превысило 2,76 млн. человек, побив рекорд прошлого года более, чем на 1 миллион [26]. Нет сомнений, что в ближайшем будущем еще больше людей на всех континентах планеты окажутся перед лицом экзистенциального выбора и будут вынуждены *самостоятельно* выстраивать свою жизнь, без оглядки на какое бы то ни было национальное государство.

В критический момент поздно определять свою позицию и выработать линию поведения. Тем более, что совершённый раз экзистенциальный выбор не только может изменить личность и предназначение самого человека, но, безусловно, оказывает влияние на судьбу его потомков. Чтобы не быть застигнутым врасплох, необходимо осмысленно готовиться к

предстоящему решению заранее – прежде, чем совершать поступки, которые могут привести к необходимости такой выбор делать.

Алгоритмическое дерево стратегий экзистенциального выбора

Главный результат нашей работы представлен на рис. 1 в виде бинарного дерева, представляющего маргинальные стратегии экзистенциального выбора, вместе с их потенциальными предельными результатами для личности и общества. Дерево имеет три уровня ветвления, последовательно описывающие стратегии личного поведения при разных вариантах последующей дезадаптации личности и направленности эго – на себя или на окружающий мир.

Подчеркнем, что дерево, показанное на рис. 1, представляет лишь маргинальные стратегии ответа на вызов, тогда как реальный ситуативный выбор индивида может быть промежуточным, носить смешанные черты и даже – меняться в ходе приобретения жизненного опыта в новых условиях. Например, внешние обстоятельства социальной жизни могут толкать человека любого возраста на переосмысление значения национальной принадлежности в его судьбе, приводить к трансформации его этнической идентичности – ее укреплению или, наоборот – к ее полной утрате [15].

Ниже мы приводим обоснование для предлагаемой схемы, от уровня к уровню.

Предельная социальная поляризация. Идентичность предполагает ощущение своей уникальности и непохожести, непрерывности и целостности, включенности и *подтвержденности* другими людьми [2]. Неподтвержденность идентичности, пожалуй – ведущая проблема миграций и других социально-психологических кризисов, затрагивающих личность на ее жизненном пути. Например, когда одному из авторов (Д.В.) понадобилось найти инвестора для осуществления своего проекта в Китае, группой местных бизнесменов был поднят вопрос о его идентичности. Было выяснено, что отец автора родился на территории исторической Маньчжурии, в семье советского военнослужащего.

Вердикт, вынесенный старшим в группе, гласил: «*Маньчжур – не китаец!*»

Угрозу ощущению собственной включенности и целостности представляет предельная социальная *поляризация* – сегрегация внутри общества, которая возникает вследствие *ускоренного* изменения облика и положения одних социальных групп относительно других и доходит до их противостояния друг другу. Социальная поляризация может возникать как форма проявления внутриклассовых, межслоевых социальных различий, возникших в результате растущего неравенства доходов или, например, внешних колебаний цен на недвижимость [29]. Однако, своей предельной формы она достигает в ответ на гностический импульс управляющего режима, пытающегося «исправить мир» неэкономическими методами: восстановить «попранную справедливость», установить «истинную веру» или вернуть «былое величие».

Появление таких режимов, равно как и их деятельность, связаны с процессами ослабления, модификации, постепенного исчезновения или замены одних институтов другими – *деинституализации* [3]. Например, вместо демократического института «равенства всех перед законом» (*equality before the law*), постепенно утрачивающего свою актуальность в США, устанавливается распределительный институт «справедливости» (*equity*), при котором представители разных рас и меньшинств несут различную степень ответственности перед законом и наделяются неодинаковыми правами в обществе во имя получения равных возможностей для удовлетворения своих потребностей, независимо от проявленных способностей и результатов своего труда [30; 34]. Недавние исследования в области политологии и экономики убедительно показывают, что различные формы политической и социальной поляризации увеличивают вероятность насильственных конфликтов, как внутри национальных государств, так и между ними [31].

Институциональный распад обеспечивает групповую динамику, развитие и разложение групповой идентичности: общество, освобожденное от политических и социальных

институтов, делится на тех, кто обладает силой, и тех, у кого ее нет [3]. Дискриминационные нормы, которые появляются в результате деинституализации, эффективно делят общество на два класса – «свои» и «чужие» – между которыми открывается возможность перераспределения ресурсов неэкономическими методами. При этом «свои» избегают экзистенциального выбора, формируя большинство, потому что для умножения сил требуется сплочение вокруг авторитета «больших людей» и неписанных «общих понятий» – вливаются в *потестарную* культуру, в которой человек рассматривается лишь как часть по отношению к своей группе, народу или государству [22]. «Чужие», в отношении которых «своим» позволено практически все, сталкиваются с необходимостью отказаться от территориальной преданности, принимать новые религию, культуру, идеологию и овладеть неродным или несвойственным им языком [4] – сделать свой экзистенциальный выбор.

Деадаптация личности при личном отказе от экзистенциального выбора. «Существовать – значит утверждать, отстаивать себя, любить себя; тот, кому надоело жить, лишает себя жизни» [20]. Распад традиционных социальных институтов в предельно поляризованном обществе приводит к разрушению жизненных стереотипов поведения, дезинтеграции общества и разрыву с его культурными традициями. Деадаптация личности в условиях отказа или невозможности осуществить экзистенциальный выбор в условиях неразрешимого конфликта может выражаться в различных психотических состояниях, таких как тоска, страх или отчаяние, что ведет к кризису личности, с высокой вероятностью переходящей в суицидальную фазу [1].

Индивиды, осознающие неспособность убежать от внешней ситуации и преодолеть свое внутреннее смятение, испытывают чувство обреченности. Будущее для них невозможно, Прошлое теряет свой смысл, и суицид оказывается единственным способом освобождения из западни невыносимого Настоящего – через самоуничтожение. Часто, люди не отдают себе отчета в намерении покончить с собой, начиная

медленное движение в сторону саморазрушения, причиняя вред самим себе [8]. Ослабление социально-культурного сцепления и нарастание психосоциальной изоляции являются мощным источником суицидального поведения в обществе, независимо от экономических условий и состояния психического и физического здоровья его членов. Ограничение свобод личности, жесткая регламентация поведения и прямые репрессии, осуществляемые «своими» по отношению к «чужим» в предельно поляризованном обществе, также ослабляют социальную когезию, повышая число суицидов [11]. Не случайно, в стихотворении И. Бродского «*Ни страны, ни погоста не хочу выбирать*», служащего эпиграфом к данной статье, отказ от экзистенциального выбора ассоциируется с дорогой к смерти.

Если суицид – это агрессия, направленная на себя, то терроризм – это агрессия, устремленная на других. В то время как для большинства людей свойственна уверенность в том, что мир априори справедлив, и наказания без вины не бывает, то для индивидов, обладающих гностическим мировоззрением, современный им мир в корне несправедлив и обречен на уничтожение во имя грядущего торжества справедливости (*equity*). Для таких людей характерно смещение чувства времени – их Прошлое включено в актуальное Настоящее, причем последнее оказывается эмоционально менее значимо, чем первое. Следствием такого искажения становится обесценивание как своей собственной, так и чужой жизни [14]. Убежденность в несправедливости и несправимости мира пронизывает сердце таких людей жалостью к себе и ненавистью к враждебному окружению, а в социальной практике – противопоставляет людей и сообщества друг другу, возводя между ними стену страха [37].

Оправдание опции выбора, доступной по умолчанию – конформизм. В группе человек ведет себя не так, как вел бы себя в одиночку, потому что следует ожиданиям окружающих, подчас игнорируя собственное мнение, цели и интересы [24]. В основе конформного поведения лежит страх выделиться и противопоставить себя своей группе, вместе с проявлением

осознанной лояльности к ней. Люди, активно выходящие за рамки шаблонного поведения, индуцируют социальные изменения в общине, компрометируя ее единство и безопасность – навлекая на себя в ответ агрессию со стороны большинства [12]. Нетерпимость к иным перед лицом неопределенного будущего проявляется, например, в «крабовой ментальности» или «синдроме высокого мака» – постоянной готовности общины отказаться от самого лучшего, включая мораль, социальные нормы и культурные достижения, вместе с их наиболее выдающимися носителями [10].

Считается, что процесс усвоения коллективного мнения проходит через три стадии: подчинение, идентификацию и интернализацию, когда личная позиция человека добровольно совпадает с позицией большинства [13]. Когда будущее становится принципиально неизвестно и потенциально опасно, единомыслие, установившееся в группе, выходит из-под контроля ее отдельных субъектов и становится самостоятельной господствующей силой, достигая уровня *соборности* – невротической потери человеком чувства реальности происходящего и утраты собственной индивидуальности. В пределе, личное Будущее *отчуждается* от индивида – растворяется в коллективном настоящем, не предоставляющим возможности для индивидуального планирования действий. Вместо рационального выбора и планирования, выживание в групповом настоящем требует готовности брать то, что приходит без личных усилий, или подчиняться общим приказам – *мобилизоваться*.

Примером такого отчуждения была недавняя кампания всеобщей вакцинации, проводившаяся во имя общественного здоровья ввиду отмены будущего смертельно опасным вирусом. Из истории прошлого века известно, что (принудительные) кампании вакцинации, символически отчуждавшие человека от собственного тела, случайно или нет, предшествовали массовым военным мобилизациям и последующим военным действиям с участием многих

миллионов человек. Может случиться, что и последствия последней кампании, проведенной в мировом масштабе, не станут исключением – время покажет.

Гностический вариант отчуждения личного Будущего в пользу группового настоящего ведет к формированию потестарной культуры (от лат. *potestas* – власть) [22] – *властепоклонства* [17]. Действительно, растворившись в «народе», индивидуум теряет субъектность, но его община при этом субъектом не становится. Ведь, любая социальная группа есть прежде всего *объект*, который существует лишь тогда, когда воспринят окружающим миром. Народ постоянно пребывает в своем естественном состоянии нерелексированного нарциссизма, страстно желая быть воспринятым миром в качестве безусловно привлекательного и героического персонажа. Если же внешний мир не собирается признавать его «величия», то такой мир несправедлив и должен понести заслуженное *возмездие* за причиняемое народу зло – быть безжалостно уничтожен. Характерным примером здесь является известное высказывание: «*Зачем нам такой мир, если там не будет России?*». Жалость к себе и мстительность к миру суть движущие эмоции народа, отрекающегося от «старого мира» и спешащего «отряхнуть его прах» со своих ног. Внутри сплочения идет постоянная внутривидовая борьба, в ходе которой сильнейшие используют менее сильных в качестве расходного материала для увеличения собственного силового ресурса. Динамика и природа социальных процессов в обществе «властепоклонников» была осознана и подробно описана как видными представителями русской эмиграции [17], так и иностранными наблюдателями. Достаточно вспомнить известную в польском политическом нарративе метафору кремлевской политики как схватки бульдогов под ковром, видимо пущенную в ход публицистом Стефаном Киселевским. Попав в Россию в английском переводе¹, цитата стала приписываться У. Черчиллю.

¹“The Kremlin's political tussles is being like a fight among bulldogs under a carpet: outsiders hear plenty of growling but have few clues about the victor's identity

until it emerges” // «*Политическая борьба в Кремле похожа на драку бульдогов под ковром: посторонние*

Личный опыт принятия экзистенциального вызова. Всю свою сознательную жизнь один из авторов (А.К.) пытался следовать принципу: *«не стоит бежать от проблем, лучше попытаться изменить мир вокруг себя, чем пытаться найти место, лучшее чем то, где я есть»*. Пожалуй, ему, как нельзя лучше, отвечает художественный образ питерского учителя музыки Николая Чижова, созданный гениальным актером С. Дрейденом, в фильме Ю. Мамина «Окно в Париж». Кредо учителя в отношении эмиграции выражено в известном монологе: *«Хорошо, вы правы! Вы родились в неудачное время, в несчастной, разоренной стране, но это же – ваша страна. Неужели же, вы не можете сделать ее лучше? Ведь, многое зависит от вас – поверьте! Но вы ведь даже не пытались. Неужели же, вам все это – до лампочки?!»*

Будучи востребованным IT-специалистом с неплохим знанием английского языка и имея реальную возможность уехать из России, он никогда не рассматривал такой вариант всерьёз. Его планы на будущее строились в расчете на дальнейшую жизнь в Санкт-Петербурге. Его вполне устраивало сложившееся положение дел, при котором он мог свободно путешествовать по миру, работая на глобальном рынке информационных технологий как специалист по медицинским информационным системам, но при этом жить – в Петербурге.

Каждый раз, посещая новый город в разных уголках мира, А.К. мысленно задавал сам себе вопрос: *«А смог бы я прожить всю жизнь в этом городе?»* Надо сказать, что в мире нашлось очень мало мест, про которые внутренний голос отвечал ему: *«Здесь можно было бы попробовать»*. В большинстве случаев ответ был: *«Здесь хорошо и можно жить. Тут живут прекрасные люди, но я бы здесь долго не выдержал»*. И, каждый раз возвращаясь домой, в Питер, на любимую Большую Охту, он ловил себя на мысли, что это и есть его настоящий дом, и нет для него на Земле места лучше, чем родная Охта.

Несмотря на внезапность событий, потребовавших сформировать кардинально иной образ личного будущего, А.К. считает, что у него были вполне комфортные условия для принятия решения о релокации. Ему действительно предоставили выбор – либо остаться в России, либо эмигрировать. Оба варианта были вполне комфортными с точки зрения материальных условий.

В случае, если А.К. решил бы остаться в России, он не потерял бы работу сразу. Хотя его работодатель, международная компания, объявила об уходе из России еще в марте 2022 года, ее сотрудники могли остаться на родине, перейдя в российскую фирму – наследницу, которая продолжила работу с российскими клиентами компании. Переезд в другую страну для желавших сохранить свою позицию в международной компании был поддержан оплатой транспортных расходов и выделением подъемных средств на первое время. Так что, основной проблемой переезда для АК оказалась невозможность покинуть Россию в течение некоторого времени по семейным обстоятельствам. Работодатель и в этом случае пошел навстречу – была достигнута договоренность, что автор сможет какое-то время продолжать работать в прежней компании, даже оставаясь в России.

Хотя, важным фактором, повлиявшим на принятие решения об отъезде, было нежелание автора спонсировать своими налогами деятельность государства, с решениями которого он был не согласен, основным фактором, определившим его выбор, стало желание остаться глобально востребованным специалистом международного класса – сохранить свою профессиональную идентичность. Ведь, практически весь тридцатилетний рабочий опыт АК был связан с работой в международных компаниях. Автор несколько раз пытался работать в российской бизнес-среде, но, по разным причинам, это не приносило ему ни чувства удовлетворения от законченных проектов, ни особого успеха в реализации его личных способностей и амбиций. Профессиональный выбор для А.К. состоял не в том

слышат много рычания, но мало что знают о личности победителя, пока он не появится».

– работать ли бизнес-аналитиком в России или за рубежом, а между работой бизнес-аналитиком за рубежом и поиском принципиально нового поля деятельности в России. Поэтому, когда был найден вариант, при котором автор мог до октября 2022 продолжать работать в прежней компании, физически оставаясь в России, он согласился. В дальнейшем, по состоянию здоровья, отъезд автора был снова отложен – до января 2023, но не отменен.

Второй автор (Д.В.) во многом уже утратил свежесть своих переживаний по поводу событий четверть вековой давности. Как и первый автор, Д.В. предпочел сохранить свою (академическую) профессиональную идентичность. Сохранял ли он ее, чтобы иметь возможность уехать, или наоборот – уехал, чтобы ее сохранить? На этот вопрос у Д.В. нет ясного ответа. В первых числах октября 1991 на одном из телевизионных каналов новой России в полночь выступил В. Буковский, советский диссидент, вернувшийся в страну вскоре после августовского путча, чтобы участвовать в подготовке ожидавшегося тогда судебного процесса над КПСС. В своем интервью он кратко сообщил, что в конце сентября 1991 свободный доступ в архивы специальных служб СССР был закрыт, а значит революция потерпела фиаско, и теперь нас неизбежно ждет реакция. На миг будущее России предстало как на ладони.

Проводя длительное время за рубежом, Д.В. не смог адекватно поддерживать и воспроизводить свой личный мир, остававшийся в России. Оказались вдруг вырублены сосновые леса Лужского полигона, где автор провел детство и юность. Ускоренные изменения, происходившие как в социально – экономической политике государства, так и в культурной и духовной сферах жизни российского общества, не оставляли ему шанса на успешную адаптацию в случае возвращения. «Я нигде не уезжал, это страна уехала», – часто говорил он друзьям. В его отсутствие в России умирали родные и близкие, оставляя все меньше смысла приезжать обратно, пусть даже на короткое время. Вернувшись с кладбища после похорон матери, сосредоточенно разглядывая створ старой, еще советской

электрической розетки в стене, он вдруг отчетливо почувствовал, что скоро тоже умрет, если останется в России – в сущности, в ней он был уже мертв. Эмиграция, таким образом, представлялась ему тогда вопросом физического выживания.

Принятие вызова – экстаз как тайна рождения личного времени. Греческий «экстаз» (ἔκστασις – от ἐκ – «из, от, с» и ἵστημι – «стоять») означает *перемещение* или *отъезд* и, вместе с тем – выход человека за пределы вещественно-психической данности [5]. Совмещение семантики релокации и религиозно-мистического опыта в одном слове не кажется случайным. По нашему убеждению, эмиграция в неизвестность и есть истинное воплощение религиозного опыта в повседневной жизни. Отказавшись от верности прежнему ландшафту ради сохранения профессиональной идентичности и желания остаться «гражданами мира», авторы данной статьи невольно оказались в положении религиозного философа Филона Александрийского – осознали и пережили его откровения на собственном опыте. В понятиях *экстаза* с богом тот мыслил себя гражданином града небесного, будучи на земле иностранцем, мечтавшем о возвращении в отечество.

Экстаз неизбежно приводит к «выпадению» из времени, и прекращению прежнего бытия души, что описано в «Энеадах» Плотина следующим образом: *«Тогда душа ничего не видит и не различает ни перед собою, ни в себе самой. Она словно бы становится чем-то другим, прекращает быть собою и принадлежать себе»*. Действительно, главным личным переживанием совершаемого экзистенциального выбора в условиях распада групповой идентичности является коллапс модели линейного времени общей для группового сознания и мышления европейских народов.

В нашей работе [9] мы отмечали, что линейное время, которое течет из прошлого через настоящее – в будущее, единичное прошлому, принадлежит не лично человеку, но всему сообществу «общей памяти», а значит – неотделимо от его групповой идентичности и места жительства. Основные принципы

линейной модели – «где родился, там и пригодился» и «можем повторить!» – помогают хранить коллективную память общины о прошлом. Соответственно, распад групповой идентичности и отказ от верности родным пенатам неизбежно влекут за собой коллапс линейного времени у европейца, вынужденного делать экзистенциальный выбор – он теряет способность планировать свое будущее.

Вот как описывает пережитый опыт А.К.: «Прошлое было важной частью моей жизни, состоявшей из успехов и неудач – выученных уроков, о которых стоит помнить. Однако, нельзя сказать, что данная часть времени до 2022 года сильно занимала мое воображение. Видимо, большинство жизненных уроков уже превратилось в рефлексии – интроекты, о которых можно было особо не думать. Если я и думал о Прошлом, то в основном о недалёком, один-два года тому, в котором случились те или иные события, имевшие отношение к Настоящему. Среди них были начатые, но так и не законченные проекты; что-то, что я давно собирался сделать, но не успел; кто-то, с кем я давно не общался. Мое Настоящее состояло из каждодневных рутин, суммирующих опыт Прошлого, в попытке сделать что-то для Будущего. Будущее было, пожалуй, самой важной частью моей личной модели времени. Именно туда вели меня мысли о безопасности («на что будем жить, когда выйдем на пенсию») и ожидания новых свершений («надо бы успеть еще сделать что-то грандиозное, чего мир не видывал»), и мысли о том, а что же после меня останется, когда меня не станет. Будущее виделось мне большим полем возможностей, в котором мне еще предстоит сделать множество выборов, которые и превратят это Будущее в Настоящее, а затем – в Прошлом. При этом мне казалось, что я смогу спрогнозировать в своей жизни многое, хотя и не всё, из того, что со мной может произойти. Эта уверенность позволяла мне планировать мои действия на достаточно больших отрезках времени, исчисляемых годами, а то и десятилетиями.

Теперь вдруг выяснилось, что все мои представления о Будущем рассыпались в прах. Сама

идея о том, что Будущее может быть следствием Прошлого и Настоящего, перестала работать. Это сильно сократило мой личный горизонт планирования – раз я не смог предвосхитить такой поворот истории, как можно было продолжать планировать что-то еще? Я ещё понял бы, если происшедшее было плохо прогнозируемым природным явлением, вроде землетрясения. Но то, что произошло, было совершено людьми, которые так же строили свои планы на будущее, как и я. Ощущение беспомощности в отношении Будущего мгновенно отменило все имевшиеся у меня до того планы и заставило срочно выработать новые. Отсутствие понимаемой для меня логики в происходящем привело к схлопыванию моего личного горизонта планирования с годов до недель, а то и дней. В таком режиме Будущее, в привычном понимании, практически перестало для меня существовать. Все вопросы к будущему свелись к обеспечению текущей безопасности меня, моих родных и близких, а все долгосрочные планы исчезли.

Неожиданно, для меня стало очень важным разобраться с Прошлым. Ведь там скрывалось что-то такое, чему я раньше не придавал должного значения, раз уж происшедшее стало такой неожиданностью для меня. Наверное, какой-то «урок» я всё-таки плохо выучил. Внезапно в моей памяти стали всплывать события весьма далекого Прошлого, которые я уже давно не вспоминал: фильмы, которые не смотрел со школьных времен, книги, прочитанные мною давным-давно. Многие из этого я вновь пересмотрел и перечитал за последний год.

Постепенно, я стал замечать в себе нотки фатализма и суеверности. Видимо, это было связано с невозможностью объяснить логику происходящего. Практически все свободное время с тех пор у меня уходит на попытку разложить по полочкам логику Прошлого и восстановить причинно-следственную связь происшедших событий. Я чувствую, что, не объяснив себе этого, мне будет трудно вернуться в нормальное состояние планирования будущего.

В настоящий момент горизонт моего планирования Будущего потихоньку вырос до

нескольких месяцев. Это уже намного лучше, чем год назад, но все равно – ещё очень далеко до того, что было раньше. Моя основная задача сейчас состоит в том, чтобы попытаться увеличить горизонт планирования хотя бы до года, но пока что это не представляется возможным».

Другой автор (Д.В.) тоже пережил схожий опыт трансформации персонального времени. Так же, как и А.К., в эмиграции он долго жил в условиях резко ограниченного горизонта планирования, постепенно раздвигая его границы от месяцев к годам, от лет – до конца жизни. Так же, как и А.К., он начал уделять пристальное внимание Прошлому, пытаясь ответить себе на вопрос о том, что он делает вдали от дома – в чем смысл и историческое значение такого поворота судьбы? Ему повезло, поскольку проделанные им подробные генетические тесты и генеалогические изыскания высветили московский период истории его рода мимолетным эпизодом героического норманнского эпоса. Постепенно у автора сложился личный исторический нарратив, в котором сюжеты далекого прошлого соединились с реалиями настоящего, в целях обоснования естественности и даже неизбежности эмиграции, а получение автором немецкого гражданства стало символическим актом его репатриации на (до)историческую родину.

После экстаза – проблемы интеграции. Интеграция – сложный процесс, подразумевающий этнокультурный сдвиг в идентичности иммигранта при его включении в принимающее (со)общество. Ход и результаты этого процесса зависят, прежде всего, от настроения и мотивации релоканта – истинной цели его перемещения (греч. *экстаза*). Семейные архивы эмигрантов содержат множество историй интеграции и трудного поиска своего места в новой стране, неизбежно растягивающегося на десятилетия. По личному признанию Д.В. протопресвитера Jean Gueit, родившегося уже во Франции внучатого племянника писателя М. Булгакова, священника марсельского прихода Св. Гермогена Русского экзархата Константинопольского патриархата, даже он, временами, чувствует себя чужим в новой стране. Вслед за кратковремен-

ным экстазом и счастьем одержанной победы часто приходит тоска по дому, когда хочется вернуться обратно – пусть даже в застенки. Затем неизбежно наступает этап *зилотства*, когда релокант начинает отвергать культуру и веру страны исхода – они кажутся дикими и лицемерными.

Эмигранты меняют имена, надеясь улучшить свою судьбу на новообретенной родине – и это работает. Здесь можно вспомнить пример нового вице-канцлера ФРГ Филиппа Рёслера – уроженца Вьетнама с самым что ни на есть немецким именем и фамилией. «Как гром среди ясного неба стало для меня мнение отца о том, что с изменением моего русского имени Женя на немецкое Ойген полностью изменился и мой характер!» – эмоционально заявил «Московской немецкой газете» 24-летний Евгений Литвинов, переехавший с родителями из Казахстана в Германию в 1993 году [16]. Молодого человека настолько увлекла тема влияния имен на интеграцию в немецком обществе, что он посвятил ей свою дипломную работу в одном из вузов Дортмунда.

Разные страны следуют различным моделям ассимиляционной политики, подразумевающим поглощение эмигрантов уже существующим единым социальным порядком и гомогенной культурой членов общества [21]. Например, Франция, которая официально не признает особых прав за этническими меньшинствами, ограничивается политической ассимиляцией мигрантов (выдачей паспортов). Германия традиционно настаивала на модели функциональной ассимиляции. Ожидалось, что обучение немецкому языку в ходе регулярных занятий будут способствовать усвоению мигрантами культурных стандартов Германии. Так или иначе, результатом совершенного выбора является *ассимиляция* семьи в новой стране.

Обратимся, наконец к обострившейся сейчас проблеме вынужденной, временной миграции. В этом случае релокант не собирается оставаться в новой стране надолго, но искренне и часто неосознанно считает, что скоро вернется домой – например, после смены политического режима или улучшения экономической ситуации в

стране исхода. Он считает себя беженцем – не живет настоящей жизнью в том месте, куда забросила его судьба, а лишь готовится к ней. Настоящая жизнь «откладывается» на после возвращения, часто – на неопределённый срок. Отложенная жизнь превращается в кредо – нансеновские паспорта, которые начали выдавать Европебеженцам из России в 1922 году до сих пор в ходу. Когда-то их обладателями были художник И. Репин, писатели И. Бунин и В. Набоков, композитор С. Рахманинов. С нескрываемой гордостью показывал ДВ свой нансеновский паспорт Президент Русско-французского Альянса кн. Георгий Андгуладзе – вплоть до своей смерти в 2007 он так и не получил французского гражданства.

Долгое ожидание чуда формирует у мигранта синдром отложенной жизни, который может проявляться в виде постоянных невротических нарушений [7]. Представление о том, что настоящая жизнь начнется когда-нибудь потом, обычно среди вынужденных мигрантов, вахтовых работников, срочников и заключенных [18] – всех, кто помимо воли сталкивается с необходимостью личного планирования времени, вне связи с линейным социальным временем своего сообщества [9]. Пожалуй, большинство российских мигрантов последних месяцев, не имевших четких планов становиться «гражданами мира», пополнили ряды именно беженцев.

Люди пути – в поисках собственного времени. Своего третьего сына, родившегося в Петербурге, Д.В. вдруг назвал Вольфгангом. «*Мальши попал*», – шептались медсестры роддома. Их паника и упрямое нежелание правильно записать имя новорождённого веселила и раззадоривала – может быть, они и вправду не знали, как звали Моцарта? Несколько лет ребенок значился единственным Вольфгангом в городе, а возможно – во всей России. К слову, ждать орфографически правильной записи его имени пришлось до самого получения им немецкого паспорта – оказалось, что страны не только слышат, но и отвечают на зов. Впрочем, паспорт существует, лишь чтобы облегчить путешествия.

Ну, не жить же с ним в бесперспективной Германии, правда? Действительно, купив дом в Западном Техасе, Д.В. обнаружил, что все его новые соседи – немцы из Берлина, Франкфурта или Майнца, и других нет. Не улица, а новый Mainzer Adelsverein²!

Странствие обретает цель и ритм, если мигрант знает, куда и зачем направляется [27] – он не блуждает, но перемещается. Дорога становится его экзистенциалом, знаменующим вхождение в поток происходящего [23], становится метафорой его жизни и родиной его детей. Пройденный путь служит ему идентичностью и воплощением его личного времени, которое не обязательно линейно. С одной стороны, генетический тест происхождения рисует ему траекторию, причудливо покрывающую глобус, на которой нет точки по имени «родина». С другой стороны, тот же тест восстанавливает его связь со своими предками, превращая странничество в путешествие в страну смыслов и ценностей [2], возвращение к самому себе из социального ада Новейшего времени. Разрыв с обществом исхода, подразумевающий отказ от чувства вины перед ушедшими предками и неприятие стыда собственной инаковости [9] перед его «молчаливым большинством», открывает человеку доступ к самостоятельному менеджменту личного времени.

Кочевничество ни в коем случае не принадлежит далекому прошлому, но, в форме «цифрового номадизма», торжествует теперь над территориальностью и оседлостью [35]. С развитием беспроводных средств связи и расширением возможностей постоянного передвижения появились группы людей, которые постоянно меняют места проживания, используя цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей [2]. Живым примером цифрового кочевника является один из авторов статьи (А.К.).

Социальное время, прежде принадлежавшее общине, становится достоянием личности кочевника через свободный рабочий график и отсутствие привязки к конкретным временным

² «Дворянское общество Майнца» или «Общество защиты немецких иммигрантов в Техасе», образован-

ное в 1842 в Майнце с целью основать новую Германию в пределах Техаса.

зонам. При этом тактическое и стратегическое планирование своих действий приобретает первостепенное значение при распоряжении личным временем. Цели, намеченные на мажорном в Прошлом к достижению в Будущем, определяют текущие действия, поэтому его личное Настоящее конструируется через Будущее. Прежде такое мессианское ощущение времени, в котором, Будущее было известно через осознание рисков и уяснение целей движения – открытых через пророков, а Настоящее реконструировалось через цели Будущего в рамках стратегического планирования – к достижению Спасения, было характерно в основном для религиозных сообществ.

В наших работах мы назвали такую модель времени *авраамической*, предполагая Авраама парадигматическим носителем мессианского ощущения времени [9; 10]. Ведь, получив пророчество о будущем своих потомков задолго до их появления, он круто изменил свою жизнь, отправившись в неизвестное – на поиски обетованной земли. Мы отмечали, что переход от модели линейного к авраамическому времени соответствует смене стратегии выживания – от стабилизирующего отбора внутри группы (за среднее, против крайностей) к диверсифицирующему отбору – против устоявшихся норм, если последние не способствуют выживанию в условиях быстро меняющейся среды обитания. Адаптируясь к условиям жизни в социальном государстве, человек ограничивает свое репродуктивное поведение в надежде, что отлаженные социальные институты обеспечат выживание единственного ребенка и сохранение его рода. Однако, ускоряющаяся фрагментация национальных государств, постоянное снижение эффективности социальных институтов и разложение системы управления вследствие неуклонно возрастающей некомпетентности всех ее элементов на оставляют от этих надежд камня на камне.

Смелое принятие экзистенциального вызова позволяет избежать экологическую ловушку, в которую попадает коренное население в социальном государстве, путем поддержания и повышения степени лабильности собственной

жизни. Приобретая способность планировать жизнь и осуществлять намеченные планы самостоятельно, вне связи с каким-либо обществом или государством, эмигранты совершают мета-исторический *Исход* из рабства – к личной свободе.

Напряжение внутрисемейного конфликта, связанного с естественной конкуренцией детей между собой, экспортируется в эмигрантских семьях во внешний мир, превращаясь в механизм ненасильственной *колонизации* принимающего общества [10]. Колониальный характер миграций цифровых кочевников пока не кажется очевидным, хотя его постоянно возрастающие потоки уже существенно меняют рынки труда, жилья и форм брака [2]. Добавим к этому постепенное размывание этнической и религиозной однородности населения в государствах, привлекательных для удаленной работы, при формировании на его территории многочисленных цифровых анклавов, принадлежащих разным языковым и культурным традициям. Цифровой захват удаленных мест и новых, практически неосвоенных территорий стал новой реальностью [25].

Заключение

Скорость и непредсказуемость социальных, политических и экономических изменений в современном мире делают традиционные механизмы социальной адаптации, опиравшиеся на безусловное доверие человека к обществу и государству, малоэффективными. Гибридизация и распад прежней идентичности в условиях социальной аномии ставит человека в ситуацию экзистенциального выбора, которая не может быть разрешена, исходя из общекультурных норм. От такого выбора невозможно отказаться, не утратив способности отвечать на социальные и психологические вызовы, что может привести к кризису личности, переходящему в суицидальную фазу.

В нашей работе мы построили и проанализировали алгоритмическое дерево, представляющее маргинальные стратегии ответа на экзистенциальный вызов, вместе с их наиболее вероятными последствиями для человека и

общества. Мы показали, что в зависимости от обстоятельств жизни и направленности эго в ходе осуществления экзистенциального выбора, человек может испытывать различные виды дезадаптации личности, что может приводить к глубокой трансформации личного времени человека и даже – к его коллапсу.

Наша работа представляется нам своевременной и важной в свете грядущих десятилетий высокой политической и социальной турбулентности, являющейся отличительной чертой глобального общества риска.

Благодарности

Авторы выражают сердечную благодарность своим семьям за безусловную поддержку при осуществлении ими экзистенциального выбора, а также своим одноклассникам по Президентскому физико-математическому лицей (№ 239), класс 47-7 – за дискуссию, ставшую отправной точкой настоящей работы.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // В сб.: Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. С. 44-59.
2. Арпентьева М.Р. В поисках себя и мира: феноменология и типология цифрового кочевничества. § 1.1. в Главе 1 «Психологические направления активности личности в современном мире» // Психологическая культура личности: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2017.
3. Барбашин М.Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // ЖССА. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-i-identichnost-metodologicheskie-vozmozhnosti-teorii-institutsionalnogo-raspada-v-sovremennyh-sotsialnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 12.06.2023)
4. Барбашин М.Ю. Институциональный Распад в Социально-Политических Этногенезисных Процессах // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №3. С. 1379.
5. Бибахин В.В., Шичалин Ю.А. Экстаз // Новая философская энциклопедия в 4 томах. М.: «Мысль». 2010. Т.4. С.427.
6. Бродский И. Стихотворения и поэмы. Пушкинский дом. 2011. Т.1. С.624.
7. Виндекер О.С. Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // О.С. Виндекер, Т.Л. Сморгалова, С.Ю. Лебедев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. № 2 (150). С. 98-108. 2016.
8. Войцех В.Ф. Что мы знаем о суициде. Под редакцией профессора В.С. Ястребова. М.: РБОО «Семья и психическое здоровье». 2007.
9. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: модели времени // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т. 1. № 2. С. 51-68.
10. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: гипотеза об эмиграции на выносливость // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Том 2. № 1. С. 68-81.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. С-Пб.: Союз, 1978.
12. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Конформизм // Азбука социального психолога-практика. М.: Пер Сэ. 2007.
13. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
14. Лепёшкин Н.Я., Василин В.Г., Обирин А.И., Талынёв В.Е. Психологический Анализ Субъектов Террористической Деятельности // Психологические Основы Терроризма и Антитеррористической Деятельности в Современных

- Условиях. Учебно-методическое пособие. Раздел I, глава 2. Хабаровск: «Юридическая психология», 2008.
15. Мухлынкина Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный Вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 27.
 16. Особенности «ойгенерации» // Московская немецкая газета. Вып. 22 апреля 2011. URL:<https://ru.mdz-moskau.eu/osobennosti-oygeneracii> (дата обращения: 24.06.2023).
 17. Редлих Р.Н., Очерки большевизмоведения. Посев, 1956.
 18. Серкин В.П., Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Вып.2: сборник научных трудов. В 2 ч. Под науч. редакцией: А. Серый, М. Яницкий Ч. 1. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012.
 19. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009-2014 гг. / Отв. ред. сер. В.В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
 20. Фейербах Л. Сущность христианства (Das Wesen des Christentums), 1841.
 21. Чернобровкин И.П. Две модели интеграции мигрантов в ФРГ: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. №7, 2015. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-integratsii-migrantov-v-frg-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 26.06.2023).
 22. Четвернин В.А. Институциональная теория права // Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13. С. 3-5. URL:<https://pravo.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)
 23. Шляков А.В. Феноменологические аспекты нomaдизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №1(15). Ч.1. С. 216-218.
 24. Ярмиев И.З., Ярмиев А.З., Мавлюдова Л.У. Конформизм и Конформность как Социально-Психологические Особенности Подростков // Современные проблемы науки и образования. № 3. 2022. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31783> (дата обращения: 24.06.2023).
 25. Aguinis H., Lawal S.O. eLancing // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23(1). P.6-17.
 26. Ainsley J. Migrant border crossings in fiscal year 2022 topped 2.76 million, breaking previous record, NBC News Oct. 22, 2022. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/immigration/migrant-border-crossings-fiscal-year-2022-topped-276-million-breaking-rcna53517> на 25 мая 2023 (дата обращения: 12.06.2023).
 27. Barfield Th.J. The Nomadic Alternative // Upper Saddle River. 1993. P. 12.
 28. Bock H.M. (Hrsg.), Cine Graph. Lexikon-zumdeutschsprachigen Film, Herausgegeben von Hans-Michael Bock. München: edition text + kritik, 1984.
 29. Caves R.W. Encyclopedia of the City. Routledge. 2004. P. 616.
 30. Dressel P. Racial Equality or Racial Equity? The Difference it Makes // Race Matters Institute. 2014. URL:<https://racemattersinstitute.org/racial-equality-or-racial-equity-the-difference-it-makes/> (дата обращения: 12.06.2023)
 31. Esteban J., Schneider G., Polarization and Conflict: Theoretical and Empirical Issues // Journal of Peace Research. 2008. № 45(2). P. 131–141.
 32. Gurr T.R., Eckstein H. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. Wiley, New York, 1975.
 33. Halbwachs M. On Collective Memory. The University of Chicago Press, London, 1992.
 34. How are Equity and Equality Different? // Just Health Action, 2010. Accessed Oct. 15, 2010. URL:<http://justhealthaction.org/wp-content/uploads/2010/05/JHA-Lesson-Plan-3-How-are-equity-and-equality-different-final.pdf> (дата обращения: 12.06.2023)
 35. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley. 1997.
 36. Marshall M.G., Jagers K, Polity IV Project: Dataset Users' Manual. Center for Systemic Peace, 2007.
 37. Newman S., Nationalism in Postindustrial Societies: Why States Still Matter Comparative

- Politics // Comparative Politics. 2000. V.33. №1. P. 21-41.
38. Roth M.S. The time of nostalgia: medicine, history and normality in 19th-century France // Time Soc. 1992. №1(2). P. 271-286.
39. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg, 2016. DOI:10.1007/978-3-319-39421-3.

BEYOND POLARIZATION: EXISTENTIAL CHOICE IN AN IDENTITY CRISIS

© Alexey Kolesnikov

Business Analyst of Information Systems, EPAM Systems, Inc.
Graduate of the Presidential Physics and Mathematics Lyceum (No. 239), class 47-7

© Dmitry Volchenkov

Professor at Texas Tech University.
Graduate of the Presidential Physics and Mathematics Lyceum (No. 239), class 47-7
dimitri.volchenkov@ttu.edu

The extreme social polarization divides society into “us” and “them”, with no chance of reconciliation. Whom to join? Should I stay, or should I go? We analyze possible strategies for an individual response to an existential challenge, as well as and their likely consequences. Our work contains personal evidence of the reasons for which the particular choice was made and a description of the corresponding processes of personality maladjustment.

Keywords: social polarization, identity crisis, existential choice, models of time

REFERENCE

1. Ambrumova A.G. Individual'no-psihologicheskie aspekty suicidal'nogo povedeniya [*Individual psychological aspects of suicidal behavior*] // V sb.: Aktual'nye problemy suicidologii [*In the collection: Actual problems of suicidology*]. M., 1978. P. 44-59.
2. Arpent'eva M.R. V poiskah sebya i mira: fenomenologiya i tipologiya cifrovogo kochevnichestva. § 1.1. v Glave 1 «Psihologicheskie napravleniya aktivnosti lichnosti v sovremennom mire» [*In search of oneself and the world: phenomenology and typology of digital co-operation. § 1.1. in Chapter 1 "Psychological directions of personality activity in the modern world"*] // Psihologicheskaya kul'tura lichnosti: kollektivnaya monografiya / otv. red. A.YU. Nagornova [*Psychological culture of personality: a collective monograph / ed. by A.Yu. Nagornova*]. Ul'yanovsk: Zebra, 2017.
3. Barbashin M.YU. Instituty i identichnost': metodologicheskie vozmozhnosti teorii in-stitucional'nogo raspada v sovremennyh social'nyh issledovaniyah» [*Institutions and identity: methodological possibilities of the theory of institutional disintegration in modern social research*] // ZHSSA. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-i-identichnost-metodologicheskie-vozmozhnosti->

- teorii-institutsionalnogo-raspada-v-sovremennyh-sotsialnyh-issledovaniyah (data obrashcheniya: 12.06.2023)
4. Barbashin M.YU. Institucional'nyj Raspad v Social'no-Politicheskikh Etnogenezisnykh Processah [*Institutional Disintegration in Socio-Political Ethnogenesis Processes*] // Vestnik Bashkirskogo universiteta [*Bulletin of the Bashkir University*]. 2012. V. 17. №3. S. 1379.
 5. Bibihin V.V., Shichalin YU.A. Ekstaz [*Ecstasy*] // Novaya filosofskaya enciklopediya v 4 tomah [*New philosophical encyclopedia in 4 volumes*]. M.: «Mysl'». V. 4. P. 427. 2010.
 6. Brodskij I. Stihotvoreniya i poemy [*Poems and Poems*]. Pushkinskij dom. 2011. V.1. P. 624.
 7. Vindeker O.S. Psihologicheskie korrelyaty prokrastinacii i scenarij otlozhennoj zhizni» / O.S. Vindeker, T.L. Smorkalova, S.YU. Lebedev [*Psychological correlates of procrastination and the scenario of deferred life*] / O.S. Vindeker, T.L. Smorkalova, S.Y. Lebedev // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [*Izvestiya Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, Science and Culture*]. № 2 (150). P. 98-108. 2016.
 8. Vojcekh V.F. CHto my znaem o suicide. Pod redakciej professora V.S. YAstrebova [*What we know about suicide. Edited by Professor V.S. Yastrebov*]. M.: RBOO "Family and mental health". 2007.
 9. Volchenkov D. Psihologiya vyzhivaniya v global'nom obshchestve riska: modeli vremeni [*Psychology of survival in a global risk society: time models*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. 2021. V. 1. № 2. P. 51-68.
 10. Volchenkov D. Psihologiya vyzhivaniya v global'nom obshchestve riska: gipoteza ob emigracii na vynoslivost' [*Psychology of survival in a global risk society: the hypothesis of endurance emulation*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. 2022. V. 2. № 1. P. 68-81.
 11. Dyurkgejm E. Samoubijstvo. Sociologicheskij etjud [*Suicide. Sociological study*]. S-Pb.: Soyuz, 1978.
 12. Kondrat'ev M.YU., Il'in V.A. Konformizm [*Conformism*] // Azbuka social'nogo psihologa-praktika [*ABC of a social psychologist-practitioner*]. M.: Per Se. 2007.
 13. Krichevskij R.L., Dubovskaya E.M. Social'naya psihologiya maloj gruppy: uchebnoe posobie dlya vuzov [*Social psychology of a small group: a teaching tool for universities*]. M.: Aspekt Press, 2001.
 14. Lepyoshkin N.YA., Vasilin V.G., Obirin A.I., Talynov V.E. Psihologicheskij Analiz Sub"ektov Terroristicheskoy Deyatel'nosti [*Psychological Analysis of Subjects of Terrorist Activity*] // Psihologicheskie Osnovy Terrorizma i Antiterroristicheskoy Deyatel'nosti v Sovremennykh Usloviyah. Uchebno-metodicheskoe posobie. Razdel I, glava 2 [*Psychological Foundations of Terrorism and Anti-terrorist Activity in Modern Conditions. Educational and methodological guide. Section I, Chapter 2*]. Habarovsk: "Legal psychology", 2008.
 15. Muhlynkina YU.V. K voprosu formirovaniya etnicheskoy identichnosti [*On the issue of ethnic identity formation*] // Nauchnyj Vestnik MGTU GA [*Scientific Bulletin of MSTU GA*]. 2015. № 215. P. 27.
 16. Osobennosti «ojgeneracii» [*Features of "eugeneration"*] // Moscow German Newspaper. Issue. April 22, 2011. URL:<https://ru.mdz-moskau.eu/osobennosti-ojgeneracii> (date of reference: 24.06.2023).
 17. Redlih P.N., Oчерки bol'shevizmovedeniya [*Essays on Bolshevism Studies*]. Posev, 1956.
 18. Serkin V.P., Social'no-psihologicheskie prichiny migracii naseleniya Severo-Vostoka Rossii [*Socio-psychological causes of migration of the population of the North-East of Russia*] // Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyah. Vyp.2: sbornik nauchnykh trudov. V 2 ch. Pod nauch. redakciej: A. Seryj, M. Yanickij CH. 1. Vyp. 2 [*Personality in extreme conditions. Issue 2: collection of scientific papers. At 2 o'clock Under the scientific editorship: A. Gray, M. Yanitsky Ch. 1. Issue*

- 2]. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU im. Vitusa Beringa, 2012.
19. Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. Razvitie russkoyazychnogo rynka udalenoj raboty, 2009-2014 gg. / Otv. red. ser. V.V. Radaev [Shevchuk A.V., Spirina M.O. *Development of the Russian-language remote work market, 2009-2014.* / Ed. ser. V.V. Radaev]. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015.
20. Fejrbah L. Sushchnost' hristianstva (*Das Wesen des Christentums*), 1841.
21. Chernobrovkin I.P. Dve modeli integracii migrantov v FRG: sravnitel'nyj analiz [Two models of integration of migrants in Germany: comparative analysis] // Social'no-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian knowledge]. №7, 2015. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-integratsii-migrantov-v-frg-sravnitelnyy-analiz> (data obrashcheniya: 26.06.2023).
22. Chetvernin V.A. Institucional'naya teoriya prava [Institutional theory of law] // Nauchnye issledovaniya laboratorii teorii prava NIU VSHE [Scientific researches of the Laboratory of Theory of Law of the Higher School of Economics]. 2013. № 13. P. 3-5. URL:<https://pravo.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf> (date of reference: 20.06.2023)
23. Shlyakov A.V. Fenomenologicheskie aspekty nomadizma [Phenomenological aspects of nomadism] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2012. №1(15). CH.1. P. 216-218.
24. Yarmiev I.Z., Yarmiev A.Z., Mavlyudova L.U. Konformizm i Konformnost' kak Social'no-Psihologicheskie Osobennosti Podrostkov [Conformism and Conformity as Socio-Psychological Features of Adolescents] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. № 3. 2022. URL:<https://science-education.ru/ru/article/view?id=31783> (date of reference: 24.06.2023).
25. Aguinis H., Lawal S.O. eLancing // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23(1). P.6-17.
26. Ainsley J. Migrant border crossings in fiscal year 2022 topped 2.76 million, breaking previous record, NBC News Oct. 22, 2022. URL:<https://www.nbcnews.com/politics/immigration/migrant-border-crossings-fiscal-year-2022-topped-276-million-breaking-rcna53517> на 25 мая 2023 (date of reference: 12.06.2023).
27. Barfield Th.J. The Nomadic Alternative // Upper Saddle River. 1993. P. 12.
28. Bock H.M. (Hrsg.), Cine Graph. Lexikon-zumdeutschsprachigen Film, Herausgegeben von Hans-Michael Bock. München: edition text + kritik, 1984.
29. Caves R.W. Encyclopedia of the City. Routledge. 2004. P. 616.
30. Dressel P. Racial Equality or Racial Equity? The Difference it Makes // Race Matters Institute. 2014. URL:<https://racemattersinstitute.org/racial-equality-or-racial-equity-the-difference-it-makes/> (date of reference: 12.06.2023)
31. Esteban J., Schneider G., Polarization and Conflict: Theoretical and Empirical Issues // Journal of Peace Research. 2008. № 45(2). P. 131-141.
32. Gurr T.R., Eckstein H. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. Wiley, New York, 1975.
33. Halbwachs M. On Collective Memory. The University of Chicago Press, London, 1992.
34. How are Equity and Equality Different? // Just Health Action, 2010. Accessed Oct. 15, 2010. URL:<http://justhealthaction.org/wp-content/uploads/2010/05/JHA-Lesson-Plan-3-How-are-equity-and-equality-different-final.pdf> (date of reference: 12.06.2023)
35. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley. 1997.
36. Marshall M.G., Jagers K, Polity IV Project: Dataset Users' Manual. Center for Systemic Peace, 2007.
37. Newman S., Nationalism in Postindustrial Societies: Why States Still Matter Comparative

- Politics // Comparative Politics. 2000. V.33. №1. P. 21-41.
38. Roth M.S. The time of nostalgia: medicine, history and normality in 19th-century France // Time Soc. 1992. №1(2). P. 271-286.
39. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg, 2016. DOI:10.1007/978-3-319-39421-3.